
МИР И СЛОВО В. В. БИБИХИНА*

К 75-летию со дня рождения

УДК 111.12 + 1(091) (470+571) «1938/2004»

Ю. М. Романенко

Захваченность событием

В статье анализируется и интерпретируется онтологическое понятие «событие», бывшее ключевым в дискурсе и текстах В.В. Бибихина. Дается обзор некоторых итогов международной конференции «Философское наследие В.В. Бибихина», проведенной в 2013 г. в Санкт-Петербурге в честь 75-летней годовщины со Дня его рождения.

The article is devoted to V.V. Bibikhin's philosophic and philological writings, centering on the analysis and interpretation of the ontological concept of "the event" that was the key one in his discourse and texts. Also included is the review of the international conference "V.V. Bibikhin's philosophic heritage", held in St. Petersburg this year in honor of the 75th anniversary of his birth.

Ключевые слова: философия, онтология, событие, единство, язык, слово, диалог, перевод, культура, В.В. Бибихин.

Key words: philosophy, ontology, event, unity, language, word, dialogue, translation, culture, V.V. Bibikhin.

Словом «захват» В.В. Бибихин обозначал особое онтологическое отношение мира и человека. В этом емком слове, способном к сменам аспекта, присутствуют две противоположные друг другу направленности. Как отмечал В.В. Бибихин в разных своих сочинениях, человек склонен к захвату мира, и одновременно он же априори захвачен миром. Если случается так, что эти два направления одного и того же слова обращаются друг на друга и совпадают в какой-то смысловой неделимости, то это означает, что оно сумело выразить событие как со-бытие мира и человека.

16–17 мая 2013 г. в Санкт-Петербурге прошло научное мероприятие, которое, возможно, отвечает критериям именно онтологической событийности. В эти дни в Европейском университете и на факультете свободных искусств и наук СПбГУ была проведена международная конференция «Философское наследие В.В. Бибихина. К 75-летию со Дня рождения». По количеству участников она была не очень большой – всего 16 докладчиков, – но по захвату тем и сюжетов, связанных с основными ориентирами творчества В.В. Бибихина, вполне может быть оценена как продолжение дела мысли одного из значимых философов России последнего времени. Обращаясь к формулировке тем докладов и выделяя их ключевые слова – собственность, энергия, софия, интерес, вопрошание, диалог, возрождение, онтология, герменевтика, феноменология, теория и практика перевода и др., – можно в сокращенном виде представить и круг размышлений самого Владимира Вениаминовича. Обращение внимания на эти слова, вслушивание в их глубинную суть, опознание внутренней формы, наблюдение внешней игры аспектов вызвано именно В.В. Бибихиным.

В этих небольших заметках мне бы хотелось поделиться некоторыми настроениями, которые я испытал от общей атмосферы конференции и от конкретных сообщений. В целом панорама тем и направленность интерпретаций соответствовала современным актуальным проблемам отечественной и зарубежной философии. Встреча друзей и учеников, критиков и апологетов, связанных памятью о мыслителе и общим контекстом чтения, стала отражением того полемического накала, который присущ нынешнему миру мысли, или же мысли мира.

Прежде всего, обратили на себя особое внимание два доклада, ставшие, на мой взгляд, полюсами или противоположными рамками всего остального содержания конференции. Я имею в виду выступление С.С. Хоружего «Бибихин, Хайдеггер, Палама в проблеме энергии» и А.В. Ахутина «Диалогическая истина европейской культуры». На эти тематические пейзажи у В.В. Бибихина был свой собственный взгляд, который оттачивался именно в острых дискуссиях со своими близкими друзьями – оппонентами и пропонентами. Особенно интересными были личные воспоминания С.С. Хоружего и А.В. Ахутина, крупных современных российских философов, не только связанных

многолетней дружбой и сотворчеством с Владимиром Вениаминовичем, но и спорящих с ним, по их собственным признаниям, «до крика».

В столкновении других позиций на конференции угадывались давние контroversы между платониками и аристотеликами, паламитами и варлаамитами, славянофилами и западниками, либералами и консерваторами и пр. И в фокусе внимания, в точке пересечения оппозиционных мнений был В.В. Бибихин. Вернее, даже как-то странно образом находился вне этого в своем отсутствующем присутствии. Мнилось, что ни похвала, ни критика его не доставали. И казалось, что активные ораторы и созерцающие слушатели были одинаково скованы амеханической растерянностью и недоумением. Захваченность событием?

Основным оригинальным онтологическим тезисом В.В. Бибихина, насколько я это правильно понимаю, является загадочное высказывание: «Некоторых вещей нет, но они как-то могут и так, без того чтобы быть». Что могут? Например, из рассеянности дифференции собрать событие конференции? Данный научный форум профессионально организовали и достойно провели активные, знающие и умеющие, присутствующие здесь и сейчас люди. Удалось бы им это сделать без можества имени Владимира Вениаминовича Бибихина, которого нет, но который как-то раньше, чем те, кто есть? Это уже миф? В том определении, которое давал мифу его учитель, Алексей Федорович Лосев, – магическое имя, творящее чудеса?

В мои цели здесь не входит дать подробный обзор материалов конференции и прокомментировать тезисы выступавших. Это может стать задачей будущего, тем более что по итогам мероприятия организаторами планируется серия публикаций. Продолжить дело В.В. Бибихина теперь могут только другие, если удастся правильно понять его оригинальные собственные идеи и подключиться к его наследию как самобытному источнику энергии мысли. Все это чувствовалось на конференции, но одновременно воспринималось как определенное искушение поторопиться взять незаслуженный аванс и право на толкование.

В конце конференции состоялся «круглый стол», на котором участники обменялись мнениями о прослушанных выступлениях, о значении и роли В.В. Бибихина в контексте российской и мировой философии. Возникла дискуссия по поводу места России в мировом

философском процессе. Зарубежные гости призывали российских коллег сохранять и развивать оригинальность местного способа философствования, весьма противоречивого и разнообразного. Для иностранных специалистов В.В. Бибихин – одно из ярких лиц русской самобытной мысли. Высказывалась и критическая точка зрения, что Россия, дескать, находится на периферии передовых трендов. Но было высказано пожелание и надежда, что благодаря В.В. Бибихину и другим известным мыслителям возможно расширение взаимопонимания и взаимоподдержки между различными культурными традициями. Хотя вопрос о том, на каком основании должен строиться подобный диалог, остался спорным.

В этой полемической ситуации заключительного «круглого стола» было предоставлено слово и автору этих строк. Попытаюсь воспроизвести некоторые моменты своего краткого выступления. По поводу дискуссионного места России в мировой философии мне вспомнился, по аналогии, приезд и выступление в конце 90-х годов на философском факультете СПбГУ такой знаковой фигуры западной мысли, как Жак Деррида. Тогда один из профессоров факультета задал гостю приблизительно такой вопрос: не мог ли уважаемый мэтр, приехавший из средоточия авангардной философии, подсказать и направить слушателей, куда, как и что необходимо развивать в соответствии с новейшими тенденциями. На что Жак Деррида, известный своей деконструкцией всяческих центризмов, ответил, что он, наоборот, приехал в Россию, чтобы здесь услышать что-то новое. С его точки зрения, не имеет смысла опираться на оппозицию центра и периферии. Если в средневековой традиции прозвучал афоризм «центр везде, а периферия нигде», то в применении к позиции «differans» Деррида его можно было бы изменить с точностью до наоборот: «центр нигде, а периферия везде». Действительно, стоит ли торопиться высказывать оценочные суждения, где находится Россия, – в метрополии или колонии, в столице или провинции? Можно ли подлинное событие поместить в искусственно и произвольно созданную метрическую систему координат, основанную на противопоставлении центра и периферии? Не сливаются ли они до неразличимости, почти по Николаю Кузанскому, в целостности и полноте настоящего события?

Одной из граней творчества В.В. Бибихина, широко известной у нас и на Западе, была его переводческая деятельность. В докладе С.Л. Фокина, филолога-переводчика и комментатора современных европейских философов, была затронута проблема особенностей бибихинских переводов. Пытаясь профессионально разобраться с этими особенностями, докладчик одновременно высказал определенные критические замечания. Подобная критика существует давно, некоторые филологи и философы неоднократно высказывали скепсис в адрес переводческой манеры В.В. Бибихина, особенно в отношении текстов М. Хайдеггера. По этому поводу мне вспомнился один факт моего личного общения с Владимиром Вениаминовичем. Это случилось порядка пятнадцати лет тому назад, когда он приехал в Санкт-Петербург, для того чтобы сдать в издательство «Наука» рукопись книги «Узнай себя»¹, и заодно его пригласили выступить с докладом перед питерскими философами в СПбГУ. Весь большой лекторий истфака был заполнен. Тема доклада – «Живое и автомат». Как я впоследствии узнал, в это время автор читал очередной спецкурс студентам философского факультета МГУ под названием «Лес». Фрагментом данного курса и была заявленная в докладе тема. А далее этот же сюжет мы смогли прочесть в опубликованной уже в 2011 г. одноименной книге «Лес» [3].

После лекции коллеги вместе с гостем поднялись на кафедру онтологии и теории познания философского факультета, где продолжилось общение. Мой вопрос заключался в том, как автор отвечает на имеющуюся критику его хайдеггеровских переводов и в чем в целом состоит специфика трансляции мыслей немецкого философа. Позже, когда вышел в свет текст «Бытия и времени», в послесловии переводчика было отмечено, что данная работа представляет собой попытку дать высказаться на русском языке немецкой мысли².

К сожалению, мне не удалось буквально записать тогдашний ответ. Воспроизвожу его по памяти, осознавая, что вношу собственные aberrации в оригинальную речь. В.В. Бибихин начал с того, что ука-

---

¹ Книга вышла в серии «Слово о сущем» в издательстве «Наука» в 1998 г. [1].

² «Это русское “Бытие и время” пытается использовать данную нашим языком возможность воссоздания немецкой разумной речи» [2, с. 448]. Размышляя о практике перевода, Бибихин писал: «Русское слово открывает исканию свои просторы. Но при встрече с немецким оно, придерживая язык и давая высказаться другому, должно, как в школе, учиться новым ходам, каких может потребовать подвижная мысль» [2, с. 449].

зал на признание М. Хайдеггера в одном из писем, что немцы пока не понимают его произведения (по причине чего даже соотечественники квалифицировали его письмо как темное и туманное). Уже повторялась и иронично комментировалась фраза о том, что, мол, немцы поймут Хайдеггера через 300 лет.

Так вот, как я понял и запомнил рассказ Бибихина, Хайдеггер, обращаясь к своему адресату, предположил, что, возможно, его мысли немцы смогут освоить не непосредственно, в прямых изданиях для носителей его родного языка, а опосредованно, через русский перевод, который, в свою очередь, в обратной ретрансляции будет возвращен как бумеранг назад на почву немецкого мыслящего языка. В то время активно обсуждалась идея о том, что разные языки относятся друг к другу как некие живые зеркала, способные взаимно отражать и обогащать друг друга. В этой странной рекурсии и реверберации слов и смыслов и происходит событие понимания культур.

Конечно, данную идею можно довести до абсурда или какого-то постмодернистского жеста. Искажения, неизбежные при прямом переводе, в обратной трансляции удваиваются, и на выходе может получиться нонсенс в квадрате. Да, это так, если не удастся сохранить в подобных трансформациях самотождественность действенной мысли.

Приблизительно в то же самое время на «круглом столе», организованном журналом «Вопросы философии» и посвященном проблеме перевода, В.А. Подорога задал В.В. Бибихину вопрос о значимости фигуры переводчика как неустранимого посредника между различными этническими философскими традициями. Ответ заключался в том (воспроизвожу также по памяти), что не нужно фетишизировать эту фигуру. Задача перевода состоит и не в буквализме, и не в искусственном прилаживании к специфике переводящего языка, а в бережном перенесении живой мысли.

Отвечая на мой вопрос, В.В. Бибихин не претендовал на раскрытие секретов мастерства перевода. Но из его слов можно было догадаться, что он рискнул взяться за другую, более существенную и долгосрочную задачу. На зов мысли оттуда дать отклик собственной мыслью. В соответствии с аристотелевским определением философии как мышления мышления. Что случается, когда иностранные произведения читаются и продумываются под таким углом зрения?

В интересном и провокативном докладе А.В. Магуна, посвященном сравнительному анализу М. Хайдеггера, А. Бадью и В.В. Бибикина в их отношении к революции, утверждалось, что мысль и речь Владимира Вениаминовича были окрашены иронией. Возражений на эту оценку у читателей и слушателей не последовало. Наверное, так оно и есть. Но непонятно, какой смысл при этом вкладывается в слово «ирония». Она может быть разной – сократической и романтической, осознанной и неосознанной, доброжелательной и ехидной etc. В ней ситуативно меняются аспекты. Ироническую речь отличают от серьезной по степени отстраненности и утвердительности. Вообще, русское слово «говорить» этимологически возводят к греческому «ирония», означающему, собственно, высказывание вопроса, зачастую насмешливого и приводящего в тупик. Поэтому ирония не всем нравится, и история Сократа тому – первое свидетельство.

Если от Сократа перейти к Хайдеггеру, для которого также добродетелью философии является именно вопрошание, то не следует ли из этого вывод, что философская речь априори иронична? Обсуждая в кулуарах конференции эту проблему с одним из учеников В.В. Бибикина А.В. Михайловским, мы сошлись во мнении, что если допустимо охарактеризовать Бибикина как ироника, то в особом смысле. В российской традиции ирония была присуща юродивым, как это показал В.Н. Топоров в книге о типах святости. В отзывах слушателей бибикинских лекционных курсов, да и по некоторым откликам читателей его текстов, такая характеристика существует. Но кто имеет право давать такую оценку – блаженный юродивый?

От подобных оценочных суждений рекомендуют воздерживаться. Хотя в повседневном и профессиональном общении оценивание занимает свою устойчивую долю. Какими словами, к примеру, можно оценить еще один приводимый ниже фрагмент моих воспоминаний о лекции В.В. Бибикина «Живое и автомат», являющейся частью курса и книги «Лес»? Это одно из самых загадочных, на мой взгляд, мест, в котором автор затрагивал проблему развития живого. Опираясь на идеи античной и современной биологии, в том числе эволюционной теории, В.В. Бибикин высказал непривычную и странную мысль, заключающуюся в следующем. Человек, как и все живое, встроен в процесс эволюции и детерминирован ее законами. Он также проходит фильтры естественного отбора и борьбы за выживание. Но в отличие

от других животных у человека нет конкурента среди биологических видов. Человеческое состязание, детерминирующее направление его эволюции и стимулирующее его эволюционный успех, проходит в ином измерении и с другими существами. Конкурентами человеку в естественном отборе, согласно В.В. Биbihину, являются особые внутрикосмические существа: боги, ангелы и демоны. Между ними и людьми ведется даже какая-то острая мировая война. Вот такие слова прозвучали в академической, уважаемой, профессиональной философской среде.

После лекции, идя по коридору философского факультета, я краем уха услышал такую оценку в комментариях коллег: «Конечно, лекция интересная, но много мистического тумана. И потом, какие “боги, ангелы и демоны”?! Это все блажь! Лучше бы переводами занимался, а не юродствовал». Что тут можно сказать? Задаться парадоксальным вопросом средневековых схоластов «сколько ангелов помещается на кончике иглы?»?. Или «сколько демонов находится на кончике языка лектора?»?. Не знаю. Серьезно или с иронией были высказаны эти слова? Судя по строгой и спокойной интонации лектора, читавшего по заранее записанному тексту, вроде бы, сам автор был серьезен. Что слушатели могут возмутиться подобными речами, он, вероятно, догадывался и поэтому сделал это нарочито. Тогда здесь был и элемент осознанной иронии. Или эпатажа, ёрничания? Но зачем?

Зачем Сократ говорил о каком-то персональном демоне, понимая, что его за такую крамолу будут критиковать и осудят? Изобретал, дескать, новых богов. Парадоксальная ситуация получается: чем серьезнее говоришь, тем больше твою речь воспринимают как ироничную, и наоборот. Серьезно утверждать реальное существование богов, ангелов и демонов может либо безумец, либо еретик, либо провокатор-ироник. В любом случае это должно быть подвергнуто правовой оценке и экспертизе. А ирония вообще является отягчающим обстоятельством.

Заходя после лекции на кафедру онтологии и теории познания, В.В. Биbihин приложил руку к сердцу и смиренно произнес: «Простите меня, пожалуйста». Ведущий тогдашнего мероприятия от принимающей стороны примирительно замахал руками: да что вы, что вы! Мол, мы же все прекрасно понимаем, гостям можно и немножко

поблажить, мы на это почти и не обратили внимания, сейчас продолжим обсуждение реальных актуальных проблем, а о богах, ангелах и демонах поговорим как-нибудь потом. И событие покатило по более привычной колее.

Но в чем заключалась событийность этого события? Кого оно захватило? Заманчиво поиронизировать, сказав, что из центра в провинцию приехал партийный эмиссар для вербовки и мобилизации новых бойцов для революционной энтузиастической борьбы с виртуальными враждебными силами. Кто кого здесь искушает? До какого предельного максимума должна дойти ирония, чтобы, перешагнув через границу, оборотиться в свою прямую противоположность – сугубую серьезность?

В моем восприятии эти два события – лекция В.В. Бибихина и конференция в его честь, – разделенные пятнадцатилетним промежутком, как-то странно проросли друг в друга. Разумеется, осознающий ум продолжает пунктуально соблюдать временные, пространственные, числовые, материальные и другие границы. Но что-то подсказывает – событие всегда одно и едино. И именно поэтому оно способно захватывать поверх пространства и времени любое множество.

В философском лексиконе В.В. Бибихина было еще одно слово, способное к смене аспектов и противоположное по смыслу слову «захватить», – слово «оставить». Это практически диалектическая категориальная пара, имплицитно образы сжатой и раскрытой руки. В одной из книг В.В. Бибихина есть даже такая воображаемая иллюстрация отношения ума к мысли: схватывание рукой птички, минимальное удержание и оставление ее на раскрытой ладони – пусть летит, куда она сама хочет. Это одновременно является мыслеобразом события. Так же как и к миру, к событию можно относиться двояко – захватывать и оставлять. Но «захватывать» и «оставлять» в обоих аспектах этих слов. Быть в захвате от захваченного и одновременно оставить его оставаться самим собой.

Расставаясь с захватившим событием, вспомню реплику одного из участников конференции: «У каждого из нас свой Бибихин». Почему это так? Потому что мы разные? Или потому что он разный? Возможно ли быть единым и самостождественным для многих? Даже в религии такого не получается: вроде бы все конфессии признают, что

Бог един, но религий ведь много самых разных. Сам В.В. Бибихин говорил, что каждый человек внутри себя содержит множество двойников, зеркал, близнецов. Я разный и другие разные, а где единство? Без него и события-то не получается. Или, быть может, к понятию единства приложим онтологический тезис В.В. Бибихина: его нет, но оно может и как-то так, без того чтобы быть. Наверное, достижение единого мнения о ком-то со стороны других не может случиться, пока эти другие сами в себе не обретут единство. Именно разность и независимость всех друг от друга сохраняет место и оставляет шанс для единящего согласия?

Прошла конференция памяти оставившего мир Владимира Вениаминовича Бибихина. У кого был к этому интерес (в смысле *interesse* – между-бытие), тех это захватило. В.В. Бибихин оставил мир, и мир остался, в какой-то точке собравшись в событие. Пусть в этом смысле останется и встреча помнящих В.В. Бибихина.

Список литературы

1. Бибихин В.В. Узнай себя. – СПб.: Наука, 1998. – 577 с. (Сер. «Слово о сущем»).
2. Бибихин В.В. Примечания переводчика / Хайдеггер М. Бытие и время; пер. с нем. В.В. Бибихина. – СПб.: Наука, 2002. – С. 448–451 (Сер. «Слово о сущем»).
3. Бибихин В.В. Лес (*hyle*) (проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии). – СПб.: Наука, 2011. – 425 с. (Сер. «Слово о сущем»).